

**СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК КРАЙНЯЯ (ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ)
МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ БЕЗОПАСНОСТИ
ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Коробеев Александр Иванович

заведующий кафедрой уголовного права и криминологии

Дальневосточного федерального университета

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

**THE DEATH PENALTY AS AN EXTREMELY (EXCLUSIVE)
MEASURE OF PROVIDING THE INTERESTS OF THE SECURITY
OF THE PERSON, SOCIETY AND THE STATE
IN MODERN RUSSIA**

Korobeev Alexander

Head of the Department of Criminal Law and Criminology

of the Far Eastern Federal University

Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

***Аннотация:** Смертная казнь – это не просто уголовное наказание, но также относительно самостоятельное уголовно-правовое явление, имеющее внешнеполитическое значение и оказывающее существенное влияние на сознание общества. Выступая наказанием с максимально возможной карой, она является концентрированным выражением вопроса о соотношении государства и личности. Применяя смертную казнь, государство максимально вторгается в личностную сферу. В настоящее время следует признать, что вопрос о смертной казни стал политическим: отношение государства к этому виду наказания превращается в международно-правовой стандарт, по которому оценивается демократичность политической и правовой системы государства.*

Особое политическое и правовое значение института смертной казни предопределяет необходимость анализа конституционных требований к этому наказанию и адекватности их имплементации в уголовном законе. В статье рассматривается вопрос о применении смертной казни в уголовной политике Российской Федерации в условиях моратория. Автор уделяет внимание вопросам целесообразности сохранения этого вида наказаний в Уголовном кодексе, а также то, как это сохранения влияет на обеспечение интересов общества и государства.

***Ключевые слова** смертная казнь, мораторий, права человека, безопасность личности, право на жизнь.*

***ACAbstract:** The death penalty is not just a criminal punishment, it is also a relatively independent criminal law phenomenon that has a foreign policy significance and has a significant impact on the consciousness of society. Acting as punishment with the maximum possible penalty, it is a concentrated expression of the question of the relationship between*

the state and the individual. Applying the death penalty, the state maximally invades the personal sphere. At present, it should be recognized that the question of the death penalty has become political: the state's attitude to this type of punishment is becoming an international legal standard that assesses the democratic nature of the political and legal system of the state.

The special political and legal significance of the institution of the death penalty predetermines the need to analyze the constitutional requirements for this punishment and the adequacy of their implementation in the criminal law. The article deals with the question of the application of the death penalty in the criminal policy of the Russian Federation in the conditions of the moratorium. The author pays attention to the issues of expediency of preserving this type of punishment in the Criminal Code, as well as how this preservation affects the interests of society and the state.

Keywords: *death penalty, moratorium, human rights, personal security, the right to life.*

Конституция РФ 1993 г. в качестве основополагающего принципа провозгласила охрану интересов личности, общества и государства. Реальная защита перечисленных интересов обеспечивается нормами различных отраслей права, в том числе и уголовного. Специфика уголовно-правовой охраны личности состоит в том, что с помощью уголовной репрессии обеспечивается защита, во-первых, наиболее ценных интересов и благ и, во-вторых, от наиболее опасных на них посягательств.

Между тем не все способы уголовно-правовой охраны указанных интересов получили однозначную интерпретационную оценку с позиций науки конституционного и уголовного права. Так, противоречивые мнения высказываются относительно конституционно-правовой регламентации смертной казни как вида наказания.

Примечательно, что единственным наказанием, относительно которого имеется прямое конституционное предписание, является именно смертная казнь.

По мнению А.Ю. Кизикова[1], внимание Конституции РФ к данному виду наказания обусловлено следующим: смертная казнь, выступая наказанием с максимальной возможной карой, является концентрированным выражением вопроса о соотношении государства и личности. Применяя смертную казнь, государство максимально вторгается в личностную сферу. В настоящее время следует признать, что вопрос о смертной казни стал политическим: отношение государства к этому виду наказания превращается в международно-правовой стандарт, по которому оценивается демократичность политической и правовой системы государства. Смертная казнь – это не просто уголовное наказание, но также относительно самостоятельное уголовно-правовое явление, имеющее внешнеполитическое значение и оказывающее существенное влияние на сознание общества[2].

Особое политическое и правовое значение института смертной казни предопределяет необходимость анализа конституционных требований к этому наказанию и адекватности их имплементации в уголовном законе.

В содержании ч. 2 ст. 20 Конституции РФ может быть выделено пять таких требований, одновременно являющихся конституционными признаками смертной казни: временный характер смертной казни; факультативность ее законодательного установления; исключительность данного наказания; особый круг преступлений, за совершение которых может быть предусмотрено наказание в виде смертной казни; особый порядок установления смертной казни[3]. „Смертная казнь как вид наказания легитимна уже потому, – справедливо заключает С.А. Антипов, – что сама Конститу-

ция РФ предусматривает возможность её законодательного установления и определя-ет условия и порядок применения этого наказания”[4].

Смертная казнь как исключительная мера наказания, согласно ст. 59 УК РФ 1996 г., устанавливается только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь. Она не назначается женщинам; лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнад-цати лет; мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесяти-пятилетнего возраста; в случае заключения досудебного соглашения о сотрудниче-стве; при вердикте присяжных заседателей о снисхождении; при совершении неокон-ченного преступления.

Данный вид наказания, кроме того, не назначается лицу, выданному Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаим-ности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавше-го лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям.

Сказанное означает, во-первых, что законодатель не отказался от мысли исполь-зовать смертную казнь как самую жесткую меру уголовной репрессии в борьбе с преступностью, во-вторых, что он по-прежнему относится к ней как к исключитель-ной (крайней) мере; в-третьих, что им резко сужен круг преступлений, за совершение которых может быть назначена эта мера; в четвертых, что он расширил перечень лиц, к которым она применена быть не может.

Смертная казнь предусмотрена за совершение всего пяти преступлений: убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК); посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное следствие (ст. 295 УК); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК); гено-цид (ст. 357 УК). Нетрудно убедиться, что при желании законодатель мог бы сокра-тить этот перечень до двух составов, оставив в нем лишь квалифицированное убийст-во и геноцид, ибо три оставшихся преступления можно рассматривать как специаль-ные разновидности убийства. Не исключено, что этот вариант им будет избран как очередной шаг на пути к полной отмене смертной казни.

Другим таким уже сделанным шагом можно считать установление пожизненного лишения свободы в качестве альтернативы смертной казни. В русле тех же идей сформулировано правило, зафиксированное в ч. 3 ст. 59 УК. Оно гласит: смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет.

Однако радикальными эти решения назвать нельзя. Российский законодатель по-прежнему стоит перед дилеммой, суть которой заключается в известном афоризме – „казнить нельзя помиловать”.

Зададимся и мы вопросом: можно ли, перешагнув порог XXI века, продолжать применять к преступникам столь явно антигуманную меру, каковой без сомнения яв-ляется смертная казнь, и возможно ли найти ей в арсенале уголовных наказаний столь же эффективный (но уже относительно гуманный) эквивалент, если от нее от-казаться? Однозначного ответа на поставленный вопрос пока нет.

Не вдаваясь в подробный пересказ всех точек зрения на эту проблему и их оттен-ков, отметим лишь, что полемика в настоящий момент уже перешла из сугубо теоре-тической сферы в область практической уголовной политики.

Дело в том, что при вхождении в 1996 г. в Совет Европы Россия подписала Дополнительный протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, взяв на себя тем самым обязательство законодательно отменить смертную казнь в течение трех лет, а до этого – ввести мораторий на исполнение смертных приговоров. Пока этот вид наказания не только не отменен, но даже законопроект о его отмене в Государственной Думе РФ не имеется. В сложившейся ситуации вначале Президент России заблокировал исполнение смертной казни, отказавшись рассматривать ходатайства о помиловании осужденных, затем Конституционный Суд РФ 2 февраля 1999 г. постановил, что российские суды без вердикта присяжных не имеют права приговаривать к смертной казни. С момента вступления в силу данного постановления Конституционного Суда РФ и до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может независимо от того, рассматривается ли дело судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей. Наконец, указами Президента РФ в феврале того же года были помилованы последние 720 (по другим источникам 713 и 718)[5] „дофевральских” смертников, 190 из которых отбывают 25-летний срок, а 530 – содержатся в местах лишения свободы пожизненно.

В 2009 г. к вопросу о моратории на применение смертной казни пришлось вернуться вновь. Верховный Суд РФ обратился в Конституционный Суд России с ходатайством о разъяснении пункта 5 резолютивной части постановления КС РФ от 2 февраля 1999 г., поскольку полагал, что оно может породить противоречивую правоприменительную практику по вопросу о возможности назначения наказания в виде смертной казни после введения с 1 января 2010 г. судов с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации.

Конституционный Суд пришел к выводу, что исполнение разъясняемого пункта постановления в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории России, не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

Аргументируя свою позицию, Конституционный Суд указал, что „в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер („впредь до ее отмены”) и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода”.

О небеспорности и малоубедительности вышеприведенного (скорее политического, а не юридического) определения Конституционного Суда РФ свидетельствует тот факт, что судья КС РФ Ю.Д. Рудкин высказал по нему особое мнение, а Верховный Суд России спустя несколько месяцев вновь был вынужден обратиться в Конституционный Суд с просьбой разъяснить положение пункта 4.3 мотивировочной части уже определения КС РФ от 19 ноября 2009 г. „в том смысле, может ли оно

(определение) быть истолковано, как означающее невозможность после 16 апреля 1997 г. назначить наказание в виде смертной казни”.

Как отмечается в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 16 июля 2010 г., такие сомнения и необходимость пояснений могут возникнуть у отечественных судов общей юрисдикции в связи с тем, что об этом заявляют в своих обращениях о пересмотре решений осужденные на казнь, наказание которым в порядке помилования было изменено на пожизненное лишение свободы[6].

Различным ветвям судебной власти не пришлось бы так долго распутывать этот „гордиев узел”, если бы Конституционный РФ нашел в себе мужество признать конституционным с 1 января 2010 г. назначать и исполнять в России смертную казнь как вид уголовного наказания, а российский законодатель внес бы изменения в ч. 2 ст. 20 Конституции РФ и ст. ст. 44, 59 УК РФ, исключив смертную казнь из системы уголовных наказаний.

Пока этого не сделано. Поэтому приходится признать, что правовая позиция КС РФ, отраженная в п. 5 его постановления от 2 февраля 1999 г., не могла быть истолкована иначе, как допустимость назначения наказания в виде смертной казни с момента создания судов присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, т.е. с 1 января 2010 г., поскольку именно с этой даты начал функционировать суд присяжных заседателей в Чеченской Республике – последнем субъекте Российской Федерации, где такой суд не был сформирован. Иное расхотилось бы со смыслом и содержанием постановления, не соответствовало бы заложенной в нем аргументации и характеру взаимосвязей между теми отправными конституционными положениями и принципами, в соответствии с которыми сформулирован его итоговый вывод[7].

Решение, принятое Конституционным Судом РФ, представляется спорным и ряду других ученых – криминалистов.

Во-первых, разъясняя собственное решение, Конституционный суд расширил его содержание, указав иные юридические основания для невозможности применения смертной казни: возникновение на основе сложившейся практики и международно-правового влияния определенного юридического режима, свидетельствующего об отказе от применения данного наказания. Тем самым Суд, в сущности, признал нормативную силу сформировавшейся правовой практики в условиях, когда не отменен уголовный закон, предусматривающий смертную казнь в качестве вида наказания. По мнению криминалистов, Конституционный Суд РФ, сделав такие выводы, подменил собой законодателя и вышел за рамки своей компетенции как органа конституционного контроля.

Во-вторых, разъяснение, данное Конституционным Судом РФ, не устраняет, а усиливает правовую неопределенность в вопросе о смертной казни. Непонятно, почему наказание, предусмотренное нормой уголовного закона, которая не подверглась проверке на её конституционность, не может быть применено[8].

На наш взгляд, смертная казнь в целом соответствует общим конституционным требованиям к уголовному наказанию, предусмотренным в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Однако, в настоящий момент смертная казнь, продолжая оставаться в УК РФ как вид наказания, ни назначена, ни тем более исполнена практически быть не может. Как долго сохранится достигнутый к сегодняшнему дню в отношении смертной казни status quo под девизом: „Ни отмены – ни применения”?

Вариантов решения проблемы несколько. Во-первых, можно не только оставить смертную казнь в УК, но и „разморозить” процедуру ее применения. Основаниями для этого будут служить следующие соображения. Продолжая сохранять смертную

казнь как вид наказания, законодатель, очевидно, не способен игнорировать ни исторические традиции, ни реалии современной криминальной России, ни голос общественного мнения. Нетерпимость же общественного мнения в этом вопросе приобретает столь масштабные формы, что уже свыше 70% населения высказывается не только за сохранение смертной казни, но и за ее расширение. По самым последним данным, лишь 11% российских граждан считают, что смертную казнь следует отменить. Примечательно, что даже „толерантнейшая” Русская православная церковь не возражает против возможности применения смертной казни в современной России.

Настолько же распространенным, насколько и ошибочным является глубоко укоренившийся в широких слоях общества взгляд на то, что только усилением наказания и ужесточением карательной практики можно и нужно вести борьбу с антиобщественным поведением. В жесткости, а нередко и в жестокости наказания многие видят панацею от всех бед, связанных с неблагоприятным течением преступности. Отсюда многочисленные предложения граждан о необходимости усиления карательных мер. В устах наиболее экстремистски настроенной части населения даже принцип талиона приобрел несколько иное звучание: „За око – два ока, за один зуб – всю нижнюю челюсть!”.

Отмеченные дефекты общественного правосознания и психологии требуют их устранения на основе проведения соответствующих правовоспитательных мероприятий. В противном случае искаженные представления о возможностях уголовной репрессии в борьбе с преступностью могут явиться непреодолимым препятствием на пути к научно обоснованной депенализации смертной казни. Пока же приходится констатировать, что степень подготовленности общественного правосознания значительных групп населения к восприятию обоснованности полной отмены этого наказания еще крайне невысока. В этих условиях самый простой выход для законодателя – сохранить смертную казнь в УК РФ, пусть даже и ценой „изгнания” России из Совета Европы. Или пойти еще дальше по этому пути, дополнив список норм, предусматривающих в санкциях смертную казнь, статьями об изнасиловании, терроризме, бандитизме, диверсии и др., как это предлагают сделать отдельные криминалисты[9].

Есть и второй вариант: можно попытаться навязать обществу идеалы человеколюбия силой, исключив смертную казнь и резко расширив сферу применения пожизненного лишения свободы. Однако вряд ли и эту меру безоговорочно можно признать гуманной, особенно если учесть, что российские „смертники” вынуждены будут коротать оставшийся век в условиях не намного более лучших, чем те, которые существовали в казематах Бастилии или Петропавловской крепости.

Тем не менее, при всей бесспорной антигуманности смертной казни как таковой и небесспорной гуманности пожизненного лишения свободы, приходится констатировать, что в нынешних условиях российский законодатель опустил уровень применения смертной казни „ниже низшего” предела, т.е. довел этот уровень до такой черты, за которой наступает только полная отмена данного вида наказания. Пока это, пожалуй, объективно невозможно, ибо правосознание российского обывателя уже смирилось с пониманием того, что сжигать ведьм на костре или вешать фальшивомонетчиков – негуманно, но еще не доросло до осмысления того, почему надо считать варварством расстрел душегуба.

Нельзя не учитывать также и то, что на сегодняшний день исключительная мера наказания в виде смертной казни отменена лишь в 92 странах мира.

Еще около 30 стран сохранили смертную казнь в законодательстве, но не применяют ее на практике в течение последних 10 и более лет (Алжир, Бенин, Гамбия, Замбия, Мали, Марокко, Танзания, Тунис и др.).

Наконец, свыше 60 стран мира до сих пор применяют смертную казнь за различные категории преступлений. К их числу относятся многие бывшие республики Советского Союза, Куба, ряд азиатских стран (Афганистан, Бангладеш, Вьетнам, Индия, Индонезия, Китай, КНДР, Республика Корея, Сингапур, Пакистан, Япония и др.), целая группа африканских государств (Судан, Уганда, Нигерия и др.), практически все арабские государства (Египет, Ливия, Иордания, Иран, Ирак, Сирия и др.). В США наказание в виде смертной казни действует в 39 юрисдикциях – в законодательстве 37 штатов, а также в федеральном законодательстве США и в системе военной юстиции.

Некоторые из государств применяют смертную казнь особенно интенсивно. Среди них Ирак, Иран, Китай, КНДР, Судан, Нигерия, Саудовская Аравия, США. Например, в США ежегодно приговариваются к смертной казни в среднем 243 человека, за последние 35 лет (с 1976 по 2009 г.) здесь было вынесено 7,5 тыс. смертных приговоров. В 2006 г. казнено различными способами (смертельная инъекция, электрический стул, газовая камера, повешение, расстрел) 53 осужденных. Еще около 3 тыс. приговоренных к смертной казни ожидают своей участи. По некоторым данным, в последние 10 лет в среднем 76% всех зафиксированных в мире казней и 70% всех смертных приговоров приходились на долю Китая. Справедливости ради отметим, что „Поправками к Уголовному Кодексу Китайской Народной Республики №8”, принятыми 25 февраля 2011 г., смертная казнь изъята из санкций 13 составов преступлений экономического и ненасильственного характера (19,1% от общего числа составов преступлений, предусматривающих смертную казнь); усовершенствован институт смягчения наказания в отношении преступников, приговоренных к смертной казни с отсрочкой исполнения; откорректировано соотношение смертной казни и пожизненного лишения свободы в рамках системы наказаний.

В послевоенной России пик применения смертной казни приходился на начало шестидесятых годов. Так, в 1961 г. приговорено к расстрелу 1890 человек, в 1962 г. – 2159. Затем число приговоренных резко падает (во второй половине 60-х годов – ежегодно 379-577 человек). За годы перестройки число осужденных к рассматриваемой мере наказания продолжает сокращаться (1987 г. – 344 человека, 1990 г. – 195)[10].

С принятием нового УК РФ эти показатели несколько уменьшились: в 1997 г. приговорено к расстрелу 202 осужденных, в 1998 г. – 112. В результате коэффициент осужденных к смертной казни в России за отмеченный промежуток времени снизился более чем в 30 раз. Это свидетельствует об устойчивости тенденции к свертыванию смертной казни как наиболее острой формы уголовной репрессии.

Отдельного разговора в этой связи заслуживает некий компромисс, предложенный не так давно В.А. Тирраненым. Он полагает целесообразным сконструировать новый вид уголовного наказания, сочетающего в себе элементы пожизненного лишения свободы и смертной казни, назвав его „терминальное наказание”. Под этим понятием автор подразумевает изъятие осужденного из общества с предоставлением приговоренному возможности сделать выбор способа исполнения данного наказания между бессрочной изоляцией от общества без права освобождения либо лишением жизни[11]. Идея сама по себе интересная. Однако не слишком ли „диспозитивным” будет такое наказание? Не чересчур ли оно будет похоже на попытку государства уйти от решения сложнейшей дилеммы, возложив бремя ее решения на частное лицо по принципу „спасение (не спасение) жизни приговоренного есть дело рук самого приговоренного”? Оставляем вопросы без ответа.

Итак, на примере отношения законодателей и правоприменителей разных стран мира к смертной казни мы убедились, что вести борьбу с негативными социальными

явлениями можно различными способами. Из отечественной же истории нам известно, что Петр Великий искоренял варварство на Руси варварскими же средствами. Но та же „история, – писал К. Маркс, – и такая наука, как статистика, с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни утратить наказанием. Как раз наоборот!”[12].

Так каково же будущее смертной казни? Ответ на поставленный вопрос известный ученый-правовед И.М. Рагимов облек в форму некоего пророчества: „Общества, отказавшиеся от этого наказания, вновь вернутся к вопросу о ее восстановлении, а те страны, которые сохранили по сегодняшний день смертную казнь, еще больше убедятся в правильности своей позиции. Для такого вывода существуют религиозные, философские и юридические основания”[13]. Аргументы автора нас убеждают в этом.

Что касается смертной казни как вида наказания в системе уголовных наказаний России, то остается надеяться, что рано или поздно (а скорее всего – в очень отдаленной перспективе) и у нас созреют условия для ее полной отмены, и тогда государство откажется от этого наказания. Пока же, как нам представляется, смертную казнь в России применять не только можно, но и нужно, по крайней мере за наиболее вопиющие и резонансные случаи совершения из ряда вон выходящих убийств. Иначе альтернативой этому виду наказания в реальной жизни будут по-прежнему оставаться акты самочинной расправы или завуалированные под самооборону либо правомерное задержание преступников акции по их физическому уничтожению.

Литература:

1. Кизиков А.Ю. Смертная казнь: апология. Уголовно-правовой очерк. М., 2003. с. 3.
2. Никонов Н.П. Смертная казнь как вид уголовного наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. С. 112.
3. См.: Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. М., 2012. С. 112.
4. Там же. С. 117.
5. Старков О.В., Милуков С.В. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб. 2001. С. 79.
6. Голик Н.М. Проблемы уголовных наказаний в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (1995-2010 годы). Аналитический обзор. М., 2011. С. 24-28.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Ю.Д. Рудкина // Российская газета. 2009. 27 нояб.
8. Антипов С.А. Указ. соч. С. 120; Сауляк О.П. Обязана ли Россия отменять смертную казнь: Конституционные и международно-правовые аспекты проблемы // Мировой судья. 2006. № 5. С. 13.
9. Кизиков А.Ю. Указ. соч.; Улицкий С.Я. Политические и правовые проблемы смертной казни. Владивосток, 2004; Дзигарь А.Л. Смертная казнь и преступность. Ростов-на-Дону, 2003.
10. Коробеев А.И. Лестница уголовных наказаний в России: понятие, классификация и виды. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. С. 476-481.
11. См.: Тиранен В.А. Высшие меры уголовного наказания: новое слово в старом споре. М., 2013. С. 141.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 530.
13. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. СПб., 2013. С. 246.